

Научная статья
УДК 321.7

УМИРАЕТ ЛИ ДЕМОКРАТИЯ?

Сергей Валентинович Борисов

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Челябинск, Россия
borisovsv69@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой очерк становления и развития демократии. Данный процесс тесно связан с коммерциализацией общественной жизни, что придает устойчивость демократическим институтам несмотря на их сложность и хрупкость. Бережное отношение к ним предотвращает общественную жизнь от примитивизации.

Ключевые слова: демократия, коммерциализация, политические права и свободы

Для цитирования: Борисов С. В. Умирает ли демократия? // Цивилизационные перемены в России = Civilizational changes in Russia : материалы XV Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург : УГЛТУ, 2025. С. 38–46.

Original article

IS DEMOCRACY DYING?

Sergey V. Borisov

South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
borisovsv69@mail.ru

Abstract. The article is an overview of the formation and development of democracy. This process closely connected with the commercialization of public life, which gives stability to democratic institutions despite their complexity and fragility. A careful attitude towards them prevents public life from becoming primitivization

Keywords: democracy, commercialization, political rights and freedoms

For citation: Borisov S. V. (2025) Umiraet li demokratiya? [Is democracy dying?]. Civilizacionnye peremeny v Rossii [Civilizational changes in Russia] : proceedings of the XV All-Russian Scientific and Practical Conference. Ekaterinburg : USFEU, 2025. P. 38–46. (In Russ).

Когда Джо Байден был президентом США, он предупреждал, что его политические оппоненты представляют угрозу самой демократии. Сейчас многие журналисты и эксперты утверждают, что угроза демократии превратилась в глобальное явление [1, 2]. Консерваторы давно критикуют либералов за мягкость в отношении преступности, а либералы обрушиваются на консерваторов за то, что те не заботятся о бедных. Однако обвинение оппозиции в том, что она представляет собой «угрозу демократии» тоже выглядит как угроза демократии.

Нет сомнений в том, демократия должна играть важную роль в формировании гражданского общества в современной России, обеспечивая участие людей в процессе принятия решений, способствуя защите прав и свобод человека, а также развитию политического плюрализма. Только дальнейшее развитие демократических институтов позволит нашей стране жить в условиях стабильности и предсказуемости.

Следует отметить, что, когда сформировалась первая демократическая республика в Афинах, появились ее ярые критики и этими критиками были философы, которые пророчили, что общество идет к неминуемой гибели. Например, в Книге VIII «Государства» Платона Сократ сетует на то, что при демократии увеличивается преступность, а молодежь увлекается крайностями эгалитарного экстремизма: «Разве не великолепно там милосердие в отношении некоторых осужденных? Или ты не видел, как при таком государственном строе люди, приговоренные к смерти или к изгнанию, тем не менее остаются и продолжают возвращаться в обществе» [3, с. 344]. По мнению Платона, избыток свободы может перейти в избыток рабства и поэтому из демократии всегда возникает тирания.

Но демократия продолжала жить и в Древней Греции, и в Риме. Она продолжает жить до сих пор, и предсказанная ей смерть так и не наступила. Но в локальном масштабе демократии то рождаются, то умирают. Итак, каково же состояние нынешней демократии?

Прежде чем делать выводы о современной демократии, нужно понять, как вообще возникают демократии. Известно, что в 459 г. до н. э. Перикл, стремясь контролировать египетское зерно, отправил большой флот для изгнания персов из Египта. Экспедиция провалилась, и после этого Перикл «взял реванш» и завоевал все Средиземноморье, но не посредством войны, а посредством торговли [4, с. 137].

Не случайно все древние демократии возникали в центрах производства или на перекрестках торговых путей. Торговля заставляла купцов — людей столь же фанатичных и ксенофобских, как и их соотечественники — проявлять навыки толерантности, цивилизованно обмениваясь товарами с торговцами из других стран. Если первое требование к торговцу — это умение заметить выгодную сделку, то второе — это терпимость к деталям, не имеющим отношения к делу, странной одежде или странным обычаям

потенциального покупателя. Успех торговца зависит от равноправного отношения ко всем, нравятся они ему лично или нет. Таким образом, торговля способствует превращению нетерпимости и ксенофобии в толерантность. Столетия спустя Рим, как и Греция до этого, укреплял свое могущество не столько силой оружия, сколько силой торговли. Непрерывающиеся войны Рима привели к сосредоточению всего богатства и власти в руках государства, что стало причиной упадка торговли и в итоге гибели обеих империй. При этом это произошло тогда, когда неограниченная власть достигла максимальной централизации и могущества.

После падения Рима в V веке почти тысяча лет длилась «тьма Средневековья», но затем торговля вновь возродила демократию. Именно мировая торговля привела к образованию итальянских морских республик Венеции, Генуи, Пизы. И снова бесконечная борьба за власть сделала их процветание коротким. Однако история настойчиво намекает на один и тот же урок: демократии рождаются как политический итог роста коммерциализации общественной жизни. Таким образом, коммерческая деятельность приводит к возникновению демократического равенства, самоуправления и свободы.

Расширение торговли меняет отношения между гражданами и формирует их в соответствии с рыночной, меркантильной психологией. Наши социальные отношения в большинстве своем поверхностны, их успех или неудача легко оценить в материальном выражении. Продавцу не важно, кем является покупатель, ведет ли он нравственную или безнравственную жизнь и какого он вероисповедания. Пока продавец заинтересован в продаже своего товара, он всегда будет любезен с покупателем. Такое элементарное и естественное рыночное равенство постепенно перерастает во всеобщее принятие почти всего, что будет способствовать хорошей деловой практике. Таким образом, демократический коммерциализм в конечном итоге способствует более широкой социальной и политической терпимости. Розничный торговец знает обычаи и вкусы разных народов и приобщает к ним своих сограждан посредством продаваемых товаров.

Наряду с властью аристократии и церкви укрепляется новая форма власти – власть капитала. Это приводит к значительным социально-политическим изменениям. Возрастает социальная мобильность. В условиях демократии, когда плотник заходит в трактир, чтобы поесть, официантка становится его временной прислугой. На следующий день, когда тот же плотник приходит к официантке домой, чтобы установить ей шкаф, официантка становится работодателем для плотника. В этом проявляется простой и естественный принцип социального равенства.

Коммерциализация не только обеспечивает первоначальное накопление капитала и демократию, она придает истории динамизм. В странах с низким уровнем коммерциализации почти ничего не меняется. Без торговли хозяйство застаивается и замирает, увеличивается бедность, потому что некуда

идти и негде приложить свои силы, то есть отсутствует социальная мобильность. Когда сыну гарантировано быть фермером, как когда-то и его отцу, а дочери – домохозяйкой (или монахиней), как и другим женщинам, ничего нового не происходит, потому что нет никаких возможностей реализовать себя на каком-то ином поприще. Кажется, что и история замерла. В таких застойных условиях главное – прочно укорениться на каком-то одном месте в каком-то одном статусе. Однако этот укорененный статус может быть как хорошим, так и плохим. Поступок, совершенный предком в далеком прошлом, может негативно отразиться на его потомках в будущем. Наличие жестких иерархических ролей, закреплённых социальных статусов (каст), как правило, является признаком неразвитых экономических отношений. В закрытых социальных системах честь и репутация – это то, что наследуется, а не приобретается.

Главным условием демократии является высокая социальная и политическая мобильность. Коммерциализация когда-то поддержала научное мировоззрение и поставила на поток множество новых изобретений и радикально изменила образ жизни людей. Когда деньгами обеспечивается развитие, люди начинают перемещаться вслед за денежными потоками. Таким образом, демократическая культура запускает цивилизационное развитие на ускоренную перемотку. Увеличиваются социальные и межпоколенческие разрывы, но это не перерастает в конфликты и социальные революции. В классовом капиталистическом обществе честь и репутация не ставятся под сомнение, их не подчеркивают, в отличие от сословного.

В условиях развития демократических процессов начинает ослабевать «железная хватка» абсолютистских форм правления – монахий и диктатур. Когда ресурсов, подлежащих налогообложению, мало, и еще меньше видов деятельности, подлежащих наблюдению и регулированию, контроль правительственных надзирателей и бюрократов за местными фермерами и ремесленниками тоже ослабевает. Это открывает возможности для предпринимательства. Предприимчивый купец, открывающий магазин для продажи новых импортных товаров, может медленно увеличивать свое богатство. Заинтересованные в увеличении налоговых поступлений правительства часто предоставляют новым предприятиям большую свободу для расширения их бизнеса. Когда же бизнес расширяется быстрее, чем правительство может контролировать или облагать его налогами, неизбежно начинается переход к демократии. Люди научились сами обеспечивать себя всем необходимым и справляются с управлением своим хозяйством. Автократии же, совсем не умеющие управлять бизнесом, начинают целиком и полностью от него зависеть. Таким образом, ради поддержания экономической стабильности бизнес начинает привлекаться к управлению государством.

Перейдем к понятию «свобода». Быть свободным – значит иметь право выбора. Большая свобода порождает большую неопределенность, однако это не является проблемой, если открыто множество разных возможностей.

Например, географические условия и жизнь людей по одну сторону границы между США и Канадой не сильно отличаются от условий и жизни по другую сторону, но разница есть. По статистике, люди в США примерно на десять процентов богаче, что открывает для них немного больше возможностей решать, что делать [5, с. 15]. Разница становится ощутимой на другой границе: между США и Мексикой. Контрастная разница обнаружится, например, на границе между Северной и Южной Кореей. Эта разница заключается не в языке и не в климате, а в степени возможностей, которые обеспечивают свободу и благосостояние людей.

Когда открытия в области естествознания получили практическое продолжение в совершенствовании техники, началась промышленная революция. Последовавшее за этим повышение уровня благосостояния людей привело к современной глобальной демократической эре. Владельцы фабрик и текстильные предприниматели Великобритании первыми применили научные технологии в производстве в середине XVIII в. На территориях же бывших британских колоний, многие из которых ныне являются демократическими государствами, предпринимательская практика изначально ставила права торговца превыше всего остального. Узкие культурные рамки должны были расшириться и уступить место потребностям рынка. В 1840 г. Алексис де Токвиль в своей книге «Демократия в Америке» отметил, что главным отличием демократии в Америке от аристократий Европы является то, что в демократиях работают все. «Можно сделать вывод о том, — пишет Токвиль, — что демократические учреждения таят в себе силу, благодаря которой отдельные люди, несмотря на свои пороки и заблуждения, содействуют общему процветанию, тогда как в аристократических учреждениях есть нечто такое, в силу чего деятельность талантливых и добродетельных людей приводит к страданиям их граждан. Так, случается, что в аристократических государствах общественные деятели творят зло, не желая этого, а в демократических — благо, не замечая этого» [6, с. 186].

Однако переход от аристократического правления к демократии, как правило, был кровавым. Британцам потребовалось два столетия, чтобы обуздать королевскую власть и легализовать свободное предпринимательство. В 1649 г. был обезглавлен Карл I, и периодически вспыхивающие гражданские войны затихли только в XIX в. при королеве Виктории. Во Франции переход был не менее бурным и таким же длительным. Он начался с расширения торговли, провозглашения прав третьего сословия, затем опять гражданские войны, диктатура якобинцев, обезглавливание Людовика XVI в 1793 г., затем диктатура Наполеона, наполеоновские войны, возрождение монархии и опять ее свержение в XIX веке и только потом медленно вплоть до середины XX века во Франции складываются демократические институты. Современные политические аналитики часто разочарованы медленными темпами перехода к демократии, например, в России или Ки-

тае. Но если Британии и Франции потребовалось два столетия, чтобы трансформироваться от автократии к демократии, почему Россия или Китай в состоянии сделать это быстрее?

В каждой зарождающейся демократии видятся знакомые модели. Нувориши, не всегда законными способами накопившие свой капитал, покупая средства производства и торговли, становятся еще богаче, но для капитала еще нет условий применения. «Необходимо было, – отмечает Ф. Бродель, – чтобы одновременно росло число людей, чтобы совершенствовалась земледельческая техника, чтобы возродилась торговля, и чтобы промышленность узнала свой первый ремесленный взлет, для того чтобы в конечном счете на всем европейском пространстве создавалась сеть городов, городская надстройка, чтобы сложилась связь города с городом, которые охватили бы низележащую активность и заставили ее занять место в рыночной экономике» [7, с. 92]. Если все эти капиталы перетекают во власть, то перехода к демократии не получается, и, как правило, власть имущие занимаются переделом и перераспределением собственности, иногда преступным путем.

Следует отметить, что демократические институты формируются в процессе сложного и долгого развития, поэтому демократию невозможно «навязать» извне. Если не создана прочная база производства и торговли (как это наблюдалось, например, в Японии и Южной Корее после Второй мировой войны) [8, 9] все усилия «навязать» демократические институты обречены на провал.

Многие мыслители опасались, что передача политического процесса в руки простого человека может оказаться катастрофической, если он не образован до такого уровня, чтобы ценить свободу и уметь ею пользоваться. В связи с этим Джон Стюарт Милль предлагал, что несмотря на то, что в условиях демократии каждый взрослый имеет право одного голоса, возможно, более умным, ярким и успешным следует давать и два, и три голоса с оговоркой, что «принцип предоставления нескольких голосов одному лицу ни в каком случае не должен применяться в таких широких размерах, чтобы лица, пользующиеся этим преимуществом, или классы (если они есть), к которым они главным образом принадлежат, могли, благодаря ему, получить перевес над всеми остальными избирателями» [10, с. 182].

Исторически голосование было сначала прерогативой мужчин-собственников и только позже распространилось на всех мужчин независимо от имущественного положения. Затем, когда женщины получили право на труд и заняли свои места наряду с мужчинами в сфере производства и торговли, они в конце концов получили и избирательное право. Некоторые сейчас говорят и о предоставлении права голоса детям.

Почему же все-таки демократии до сих пор существуют, при том, что избрание высших должностных лиц осуществляет не очень образованное и в чем-то даже невежественное большинство? Действительно, некоторые

интервью с обывателями, людьми с улицы, вызывают недоумение [11]. Однако в демократиях важно не то, насколько образован каждый отдельный человек; важно то, насколько легко он может реализовать свои возможности в самых разных областях деятельности, есть ли для этого необходимые условия. Обыватель принимает участие в политике от случая к случаю, но он постоянно включен в сферу труда и обмен товарами и услугами.

Классик экономической теории Давид Рикардо отмечал, что люди в большинстве своем совсем не мудрецы, но они, прежде всего, специалисты каждый в своем деле: «каково бы ни было первоначальное неравенство между ними, насколько бы больше не требовалось ловкости, искусства или времени для овладения одним ремеслом по сравнению с другим, разница будет продолжать существовать почти без перемен из поколения в поколение» [12, с. 410]. Специализация в общественном масштабе позволяет производить больше, зная меньше.

В прежние времена политические философы полагали, что цель государства состоит в том, чтобы нравственно совершенствовать каждого из его граждан: для таких мыслителей как Аристотель или Фома Аквинский государство существует для того, чтобы создать каждому из нас возможности для лучшей и гармоничной реализации нашей социальной природы. Однако по поводу соотношения естественного (природного) и социального (морального) всегда ведутся споры, что-то люди считают правильным, а что-то неправильным. Но если в автократиях моральную повестку люди получают «сверху», в демократиях моральная повестка – это предмет общественной дискуссии. В этом-то как раз не слабость демократии, а ее сила. Бесконечные дебаты и даже конфликты не ослабляют, а наоборот усиливают демократию. Постоянные разногласия, отсутствие единодушия и всеобщего одобрения – это и есть демократия.

Демократические институты препятствуют перенаправлению капитала на удовлетворение милитаристских целей. Милитаристские и националистические тенденции, препятствующие миграционным потокам, искусственно создают нехватку рабочей силы, что приводит к повышению затрат на производство, росту цен и падению уровня жизни. Если уличные протесты, которые являются нормальным и естественным явлением для свободных обществ, становятся слишком ожесточенными, обеспокоенные граждане могут не возражать против чрезмерного усиления полицейских полномочий, что в конечном итоге может перерасти в жесткий контроль государства над экономикой. Исторически сложилось, что ценность безопасности для людей часто оказывается важнее ценности свободы.

Таким образом, демократический процесс цикличен: после закономерного кризиса в обществе вновь возрождаются демократические институты, потому что другого пути экономического и политического возрождения не существует.

Будущее демократии в России остается неопределенным и зависит от множества факторов, включая политическую волю, развитие гражданского общества и степень участия населения в управлении. При условии дальнейшей модернизации институтов и повышения открытости власти возможен прогресс в демократических процессах, хотя на сегодня вызовы, связанные с противоречиями между заявленными принципами и реальной политической практикой, кажутся почти непреодолимыми.

Список источников

1. The Forum: Global Challenges to Democracy? Perspectives on Democratic Backsliding / L. Bartels, U. Daxecker, S. Hyde [et al.] // International Studies Review. 2023. Vol. 25. P. 1–27.
2. Rouvinski V., Milanese Ju. P., Abadía A. A. Exploring the Global Erosion of Democracy: Understanding Multicausal Threats and International Dynamics // Frontiers in Political Science : [website]. URL: <https://clk.li/nQFI> (дата обращения: 30.07.2025).
3. Платон. Государство // Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М. : Мысль, 1994. С. 79–420.
4. Кравчук А. Перикл и Аспазия. М. : Наука, 1991. 268 с.
5. Fritz S. M., Morel D. The Material Creation of Freedom // Philosophy Now. 2025. Issue 166. P. 14–17.
6. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М. : Прогресс, 1992. 554 с.
7. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М. : Прогресс, 1992. 679 с.
8. Som L. Japan’s Growth Experience: Post-Second World War and Recent Times // The Capitals of Nations: The Role of Human, Social, and Institutional Capital in Economic Evolution. Oxford : Oxford University Press, 2014. P. 115–130.
9. Chiang M.-H. Contemporary South Korean Economy: Challenges and Prospects. Singapore : World Scientific Publishing Company, 2017. 168 p.
10. Милль Д. С. Рассуждения о представительном правлении. Челябинск : Социум, 2006. 384 с.
11. Noordzij K., Koster W. de, Waal D. van der. “They don’t know what it’s like for us”: Why citizens with lower levels of education feel political discontent // The British Journal of Sociology. 2021. Vol. 72. P. 566–579.
12. Рикардо Д. Начало политической экономии и налогового обложения // Антология экономической классики в 2 т. Т. 1. М. : МП «ЭКОНОВ», 1993. С. 397–473.

References

1. The Forum: Global Challenges to Democracy? Perspectives on Democratic Backsliding / L. Bartels, U. Daxecker, S. Hyde [et al.] // *International Studies Review*. 2023. Vol. 25. P. 1–27.
2. Rouvinski V., Milanese Ju. P., Abadía A. A. Exploring the Global Erosion of Democracy: Understanding Multicausal Threats and International Dynamics // *Frontiers in Political Science* : [website]. URL: <https://clk.li/nQFI> (date of accessed: 30.07.2025).
3. Plato. *The State* // *Collected Works in 4 vol. Vol. 3. M. : Mysl*, 1994. P. 79–420.
4. Kravchuk A. *Pericles and Aspasia*. M. : Science, 1991. 268 p.
5. Fritz S. M., Morel D. *The Material Creation of Freedom* // *Philosophy Now*. 2025. Issue 166. P. 14–17.
6. Tocqueville A. de. *Democracy in America*. M. : Progress, 1992. 554 p.
7. Braudel F. *Material civilization, economy and capitalism, 15-18th centuries. Vol. 3. Time of the world*. M. : Progress, 1992. 679 p.
8. Som L. *Japan's Growth Experience: Post-Second World War and Recent Times* // *The Capitals of Nations: The Role of Human, Social, and Institutional Capital in Economic Evolution*. Oxford : Oxford University Press, 2014. P. 115–130.
9. Chiang M.-H. *Contemporary South Korean Economy: Challenges and Prospects*. Singapore : World Scientific Publishing Company, 2017. 168 p.
10. Mill J. S. *Reasoning on Representative Government*. Chelyabinsk : Society, 2006. 384 p.
11. Noordzij K., Koster W. de, Waal D. van der. “They don’t know what it’s like for us”: Why citizens with lower levels of education feel political discontent // *The British Journal of Sociology*. 2021. Vol. 72. P. 566–579.
12. Ricardo D. *The Beginning of Political Economy and Taxation* // *Anthology of Economic Classics in two volumes*. M. : MP “EKONOV”, 1993. Vol. 1. P. 397–473.